

СЕКЬЮРИТИЗАЦИЯ В “БОЛЬШОЙ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ” И ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ ВЬЕТНАМА

Наукові праці МАУП, 2010, вип. 2(25), с. 84–89

В последнее время становится очевидным, что Азия в целом, а в ней Восточная Азия и АТР начинают играть все более значимую роль в мировой экономике и политике. В связи с этим особое внимание и теоретиков, и практиков, занимающихся Восточной Азией, привлекают вопросы политических трансформаций в данном регионе и новые параметры экономического развития восточноазиатских государств, включая интеграционную и энергетическую проблематику.

В качестве значимой тенденции регионального развития следует отметить формирование новых региональных процессов, которые, возможно, становятся стимулом региональных трансформаций и объединения “старых” регионов и субрегионов в макрорегиональный комплекс “Большая Восточная Азия” (БВА). Такое направление региональных процессов, несомненно, окажет существенное влияние на формирование мировой политики. Данная проблематика является как исследовательской, так и прикладной, включая образовательную составляющую.

В XXI в. мировая элита делает ставку на тотальную финансово-правовую регуляцию мира в целях создания устойчивой системы геэкономических рентных платежей, масштабного перераспределения ресурсов и мирового дохода в качестве основного источника системной прибыли. Мировая экономика находится в поисках новой пространственной конфигурации.

В результате открытости к внешнему миру и разнообразным контактными функциям рубежность становится стратегическим ресурсом развития, о чем свидетельствуют многочисленные исторические примеры. Однако, если страна длительное время находилась за “железным занавесом”, то после его падения в пограничье могут возникнуть депрессивные зоны. Исследование барьерных, фильтрующих и контактных функций рубежных зон способствует успешной мирохозяйственной интеграции.

На основе теории секьюритизации В. Бузаном и У. Вевером была разработана теория региональных комплексов безопасности. Фактически эта теория дополняет теорию региональных сообществ безопасности. Весьма незначительное число регионов мира можно отнести к категории “сооб-

щество безопасности”; соответственно, Б. Бузан и У. Вевер, опираясь на богатый фактический материал по истории международных конфликтов, разработали более сложную классификацию регионов. Согласно их теории регионы покрывают практически весь земной шар, и региональные проблемы безопасности ложатся в основу системы международной безопасности в целом. Хотя авторы и делают оговорку, что регионы состоят не исключительно из государств, фактически государства остаются для них базовой единицей анализа. Складывающиеся между различными государствами отношения сотрудничества или конфликта и определяют очертания того или иного региона [1].

С точки зрения данной теории в основе отношений сотрудничества и конфликта лежит секьюритизация. Действительно, успешная секьюритизация того или иного государства в национальном дискурсе другого государства приводит к оправданию в этом втором государстве принятых чрезвычайных мер в отношении первого государства, вплоть до вооруженного конфликта. Вместе с тем секьюритизация может положить основу и отношениям сотрудничества.

Конечно, региональный подход не универсален, и, например, для анализа позиции США, которые являются глобальной державой, будет недостаточным. Существуют ограничения регионального подхода и в связи с объектом исследования — негосударственными актерами международных отношений. По определению такие актеры носят нетерриториальный характер, и в современной системе международных отношений получают возможность активно действовать, обходя ограничения, налагаемые государственными границами. Они получают возможность объединяться между собой, образуя сетевые структуры, влияющие не только на внутрисоветскую, но и на региональную и глобальную динамику безопасности.

Применительно к теории секьюритизации имеется возможность заявить, что в современном западном обществе сложилась внеязыковая конвенция, согласно которой упоминание того или иного феномена в качестве угрозы для безопасности является одновременно скрытым призывом к применению неких чрезвычайных мер для ее устранения. Успешной секьюритизация считается тогда, когда оправдывает те или иные чрезвычайные меры. Рассмотрим этот процесс в БВА.

Считается, что АТР охватывает географическое пространство от Японии на севере до Новой Зеландии на юге и включает в себя три основных субрегиона: Северо-Восточную Азию (Япония, Северная и Южная Корея, Китай, Тайвань, Монголия), Юго-Восточную Азию (Малайзия, Сингапур, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Бруней, Вьетнам, Камбоджа, Лаос, Бирма) и Южную часть Тихого океана (Австралия, Новая Зеландия и островные государства Океании). “Расширительное” толкование АТР включает весь регион, ограничиваемый западным побережьем обеих Америк, восточным побережьем Азии и зоной Австралии. В Восточную Азию обычно включают Китай (Китайская Народная Республика), Японию, Северную и Южную Корею, Монголию и Тайвань (Китайская Республика на Тайване). В последнее время к Восточной Азии стали относить Японию, Китай (КНР), Южную и Северную Корею, Тайвань, Малайзию, Сингапур, Таиланд и Индонезию. С некоторыми оговорками в это “геоэкономическое” образование также стали включать Вьетнам, Камбоджу, Лаос и Мьянмар (Мьянму), в последнее время — и Монголию, а также российский Дальний Восток. Некоторые из государств на Тихоокеанских островах, Австралию и Новую Зеландию [2].

Широко дискутируемым аспектом экономической и политической трансформации региона является внешнеполитический и экономический подъем Китая и роль Индии, особенно в ходе продолжающейся активной дискуссии о характере и направлении мирового лидерства. После террористических актов 11 сентября 2001 г. в США стало очевидным решение американской администрации приступить к силовому закреплению новой мировой структуры, складывающейся после распада СССР. Однако окончательно пока неясно, каким будет результат политики новой американской администрации по преодолению финансового кризиса в США, какой будет степень пересмотра внешнеполитической стратегии и, соответственно, как изменится влияние США на ход мировых событий.

Одновременно сегодня одно из главных мест занимает обсуждение проблемы мирового лидерства и “китайского фактора”, иными словами, мирного встраивания КНР как глобального государства в мировую систему. Актуальность этой дискуссии придают российско-китайское и российско-индийское стратегические партнерства в условиях сохраняющегося китайско-индийского стратегического соперничества и особенно разворачивающийся мировой финансовый кризис, который приведет к дальнейшей переструктуризации мировой системы и ее региональных компонентов. Дебатируются проблемы дальнейшего структурирования региона Восточной Азии: будет ли это осуществляться “вокруг” КНР или же произойдет формирование макрорегиона с полицентричной структурой. Она может создаваться как вокруг КНР, так и через упрочение иных типов связей — “АСЕАН + 3” (то есть + КНР, Япония и Южная Корея или Япония, Южная Корея и Индия) и “АСЕАН + 4” (то есть + КНР, Япония, Южная Корея и Индия). Большой интерес представляет также влияние этого процесса на мировую политику и глобальную систему взаимоотношений государств. В этой связи возникает целый ряд теоретических и практических вопросов, сопряженных с теорией международных отношений и практической внешней политикой.

Рост спроса на энергию, особенно в Азии и особенно со стороны поднимающихся стран Азии, оказывает все более существенное воздействие на международные отношения [3]. Если Азия в целом, а в ней Восточная Азия и АТР начинают играть все большую и большую роль в мировой экономике, и в соответствии с этой новой ролью энергопотребление в Восточной Азии начинает

расти все более быстрыми темпами, чем в целом в мире, то каковы будут геополитические последствия возможной переориентации энергетических потоков в связи с ростом спроса на энергоносители в Азии? Исторически все азиатские государства рассматривали вопросы энергетики в качестве фундаментальных вопросов национальной безопасности, а значит, приоритетных для государства как политического института. Таким образом, вопросы энергетической безопасности у азиатских государств напрямую влияли и, судя по всему, будут продолжать влиять на их внешнюю политику и дипломатию, несмотря на то, что в последнее время все больше государств предпочитают решать вопросы энергетической безопасности с максимальным использованием экономических механизмов. И здесь возникает вопрос о динамике соотношения азиатской энергетической реальности и традиционных представлений об энергетической безопасности и вызовах глобализации, которые размывают и модифицируют эти традиционные представления, а также о роли «российского фактора» в этом процессе. В колебании цен на нефть существенную роль играют не экономические, а геополитические, политические и другие риски и факторы, а также появление новых крупных потребителей энергии (Китай, Индия), острая дискуссия об их новой роли в «многополюсном» мире, изменение модели функционирования мировой финансовой системы. Значит, в нынешних условиях увеличивается важность анализа энергетических параметров и факторов международных отношений и безопасности. В современной мировой экономике возрастает значение азиатских рынков энергии, но при этом пока неясно, какой именно азиатские государства видят роль рынков энергии в глобальной экономике — как часть традиционной геополитики с ее акцентом на соперничестве за источники энергии и ресурсов и, соответственно, возникновении неизбежных международных конфликтов на этой почве и необходимостью применять методы *риал-политик*, жестко гарантирующие безопасность морских линий коммуникации, сухопутных транспортных коридоров и трубопроводов для их разрешения, или же как часть геоэкономики с упором на международные инвестиции, совместные предприятия, международное экономическое сотрудничество и глобальную энергетическую безопасность.

Все крупные индустриальные и постиндустриальные страны Восточной Азии являются импортерами нефти, причем только Китай осущест-

вляет ее добычу в достаточно крупных размерах. Остальные страны не имеют, по существу, никаких нефтяных ресурсов и, соответственно, могут быть причислены к так называемым нетто-импортерам. Рассчитывать на изменение их экономического статуса нет оснований.

Уже сейчас страны данного региона крайне зависимы от импорта нефти и есть все основания полагать, что в будущем степень этой зависимости будет только возрастать, причем особенно сложным будет положение Китая с его бурно растущей экономикой. Высокие темпы роста промышленного производства и развития автомобильного транспорта ведут к быстрому росту потребления энергоресурсов, и прежде всего нефти. Хотя прогнозные оценки данного роста носят всегда несколько приблизительный характер, но, по мнению экспертной службы ОПЕК, потребление нефти Китаем к 2025 г. возрастет по сравнению с 2005 г. на 110–115 %, иначе говоря, удвоится. У других стран региона оно будет незначительным, в пределах 10 %. Это даже меньше, чем у Западной Европы (11–12 %), а тем более США (20–21 %) [4].

Некоторые исследователи считают данный прогноз явно заниженным. По их мнению, удвоение потребления нефти Китаем произойдет не в течение двадцати, а в течение десяти ближайших лет. В пользу обоснованности их точки зрения приводится тот факт, что за прошедшее десятилетие (1995–2004 гг.) такое удвоение уже произошло. Поскольку экономика Китая не сбавляет темпов своего развития, сохранение данной тенденции выглядит вполне вероятным. Ими же прогнозируется на предстоящее двадцатилетие стагнация добычи нефти в самом Китае, а следовательно, значительное повышение потребности в импорте нефти. Конечно, нельзя исключать возможности открытия каких-то новых крупных месторождений, однако вероятность этого весьма невелика.

Косвенным подтверждением того, что правящие круги Китая аналогичным образом оценивают положение с нефтяными ресурсами страны, служит резкая активизация китайских нефтяных компаний с начала нового тысячелетия. Началась ускоренная инфильтрация китайского капитала в нефтедобывающую промышленность целого ряда стран. Учитывая характер экономической системы Китая, это нельзя интерпретировать иначе как стремление правящей элиты страны обеспечить надежные каналы нефтяного импорта.

В процессе этой инфильтрации китайский капитал встречает все более серьезное противо-

действие со стороны нефтяных компаний Запада, и прежде всего США. Преодолевая это противодействие, китайские компании идут на такие затраты, которые не могут, в принципе, позволить себе их западные конкуренты. За китайскими компаниями фактически стоит государство, которое в случае необходимости обеспечивает их мощной финансовой поддержкой.

Однако пока процесс такого рода инфильтрации находится, видимо, на начальной стадии. Объем долевой нефти, полученной всеми китайскими компаниями в 2008 г., составил менее 20 % от импорта. Предполагается, что он возрастет к 2020 г. до 70 млн т [5]. В абсолютных цифрах это выглядит достаточно внушительно, но при сохранении темпов роста импорта это многократное увеличение объема долевой нефти позволит поднять планку в лучшем случае до 25 %.

Два других главных потребителя нефти в регионе Северо-Восточной Азии — Япония и Южная Корея — хотя и являются нетто-импортерами, находятся в более благоприятном положении, поскольку, с одной стороны, им не требуется столь серьезного наращивания импорта нефти, а с другой — их капитал уже достаточно давно (в основном японский) инфильтрировался в мировую нефтедобывающую промышленность и имеет там достаточно прочные позиции. Что касается Северной Кореи и Монголии, то их потребности в нефти достаточно ограничены.

Вместе с тем нельзя исключить и возможность объединения Северной и Южной Кореи, что неизбежно приведет к заметному росту потребления нефти объединенным государством, поскольку придется решать задачу модернизации северокорейской экономики. Хотя вероятность подобного рода развития событий на Корейском полуострове скорее гипотетична, чем реальна, по крайней мере в обозримом будущем, в более отдаленной перспективе ее исключать нельзя.

Обеспечение нефтью современной развитой экономики с полным основанием считается необходимым условием ее нормального функционирования. Дефицит нефти, а тем более перерывы в снабжении ею, имеет самые негативные последствия, затрудняя работу значительной части транспортной инфраструктуры страны. Все эти негативные последствия, хотя и не в катастрофической форме, наглядно продемонстрировал мировой нефтяной кризис 1973–1974 гг. Развитые страны Запада далеко не сразу смогли их преодолеть. Сам по себе этот кризис был искусственно

спровоцирован государствами-экспортерами по сугубо политическим причинам.

Кризис послужил серьезным толчком к разработке концепции энергетической безопасности. В ее рамках именно бесперебойное обеспечение снабжения нефтью рассматривается, и, надо заметить, с полным основанием, как ключевая составляющая всей системы энергетической безопасности страны-импортера. Подобного рода роль нефти вполне естественна, поскольку она является универсальным энергоносителем, чего о других сказать нельзя. Эти последние лишь в достаточно ограниченной степени могут компенсировать ее дефицит.

Если под этим углом зрения взглянуть на состояние энергетической безопасности стран Восточной Азии, то нельзя не прийти к выводу о высокой степени их уязвимости. На первый взгляд может показаться, что к Китаю данный вывод относится в меньшей степени, чем к другим странам. И действительно, это так, если опираться на чисто технико-экономический подход, однако при учете политической ситуации положение оказывается иным. Дело в том, что Япония и Южная Корея являются военно-политическими союзниками США, которые, по существу, взяли на себя, в конечном счете, функцию обеспечения их энергетической безопасности. Это вполне объяснимо, так как Северная Корея на протяжении полувека является военно-политическим противником США. По мнению правящих кругов США, она представляет собой угрозу безопасности Южной Кореи и даже самим США. Особое их беспокойство в этом плане вызывает разработка Северной Кореей ракетно-ядерного оружия.

Его наличие, а также воинственные жесты и заявления Ким Чен Ира, постоянно побуждают американские правящие круги уделять должное внимание не только военной, но и энергетической безопасности своих дальневосточных союзников.

Что касается Китая, то его положение принципиально иное, ибо он является потенциальным противником США и должен сам обеспечивать свою энергетическую безопасность. Сделать это с каждым десятилетием будет все сложнее, поскольку возрастает вероятность открытой американо-китайской военно-политической конфронтации по поводу Тайваня.

В развивающихся странах экономический рост имеет свою специфику. Во-первых, это связано со значительной ролью государства в хозяйственной жизни. Во-вторых, поскольку большинство стран приступили к независимому развитию, являясь

отсталыми, у них сразу же возросла потребность в средствах производства. Последнее предполагает увеличение накопления. Следовательно, для развивающихся стран решение проблем экономического роста в первую очередь упирается в ускорение процесса накопления и повышение его эффективности. Возрастает роль государства в привлечении инвестиций и технологических новшеств, взаимодействия с международными экономическими организациями. Во Вьетнаме государство эту функцию выполняет активно.

Дипломатия Вьетнама придерживается наступательной стратегии, особенно в экономической сфере. Свидетельством этого служат факты экономической жизни даже последних лет, а именно, Вьетнам официально стал полноправным членом ВТО 7 ноября 2006 г., после 11 лет проведения как двусторонних, так и многосторонних переговоров с этой организацией. Сразу после вступления Вьетнама в ВТО, США предоставил стране режим нормальных торговых отношений на постоянной основе. Вьетнам успешно провел саммит АТЭС в Ханое с 11 по 16 ноября 2006 г. В рамках саммита был проведен саммит Исполнительных директоров экономик — членов АТЭС с участием 1000 международных инвесторов. Приток прямых иностранных инвестиций во Вьетнам достиг рекордного уровня со времени азиатского экономического кризиса в 1997 г.: 11 млрд долларов. Эта цифра почти удвоилась по сравнению с аналогичным показателем 2005 г. Экспорт достиг рекордной цифры — 40 млрд долларов, увеличившейся на 22 % по сравнению с 2005 г. Экономика Вьетнама продолжала динамично и стабильно развиваться. Темпы прироста ВВП составляли 8,5 %, что обеспечивает Вьетнаму статус самой динамично развивающейся экономики в Азии.

Концептуальной основой деятельности дипломатии служит теория экономического развития стран третьего мира, в центре внимания которой находились в первую очередь такие основополагающие проблемы, как отсталость, производительность труда, накопление, роль государства в экономическом развитии, последствия участия указанных стран в международном разделении труда.

Учитывая особенности репрезентации угроз транснациональной безопасности в концептуальных документах национального и регионального уровня стран Большой Восточной Азии, можно заключить, что данные проблемы, во-первых, ус-

тойчиво отмечаются в качестве характерных для современных процессов обеспечения национальной и международной безопасности, а во-вторых, их оценка имеет четко выраженную национальную специфику, которая на региональном уровне сглаживается в связи с необходимостью выработать общерегиональную позицию, однако в то же время в документах региональных организаций сохраняются особенности восточноазиатского видения данной проблематики. Характерной особенностью восприятия новых угроз безопасности странами региона является также то, что именно широкое понимание данного типа проблем дает простор для политизации одних аспектов современного ландшафта международных отношений и нивелирования других. Особенно активно в региональную повестку дня, как правило, включаются те транснациональные угрозы, которые на данный момент проявили себя в наиболее острой форме (террористические атаки, вспышки пандемий, экологические катастрофы), в то время как все транснациональные угрозы безопасности являются комплексными и в значительной степени взаимосвязанными между собой проблемами и требуют долговременной стратегии решения.

Однако, несмотря на различия в контексте общей ситуации в области безопасности в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии, благодаря внутрорегиональному сотрудничеству поиск кооперативных способов борьбы с транснациональными угрозами продолжается как в рамках двусторонних, так и многосторонних региональных форматов, что определяет современный облик макрорегиона и параметры его развития.

Литература

1. *Карта будущего: доклад Национального совета США по разведке "Проект 2020"*. — М.: Фонд "Единство во имя России", 2005. — 160 с.
2. *Энергетическое измерение международных отношений и безопасности в Восточной Азии* / Под. рук. А. И. Торкунова; науч. ред.-сост. А. Д. Воскресенский. — М.; МГИМО (У), 2007. — 171 с.
3. *JPEK Review paper 2004. Oil Outlook to 2005.* — 75 p.
4. *Joint Declaration of ASEAN and China on Cooperation in the Field of Non-Traditional Security Issues, 6th ASEAN-China Summit. Phnom Penh, 4 November 2002.* URL: <http://aseansec.org/13185>.

Отношения между США и Китаем расширяются, но все еще остаются противоречия фундаментального международного характера, особенно проблема Тайваня. Характер взаимоотношений между США и КНР принципиально повлияют на взаимодействие сил в Восточной Азии, особенно США – Японии, Японии – КНР. Эти двусторонние и трехсторонние отношения в целом, в свою очередь, создадут контекст всех вызовов в регионе. Это и проблема мира на Корейском полуострове, стабильного экономического развития Вьетнама и всего региона.

Відносини між США та Китаєм розширюються, проте все ж лишаються протиріччя фундаментального міжнародного характеру, особливо проблема Тайваню. Характер взаємовідносин між США і КНР принципово вплинуть на взаємодію сил у Східній Азії, особливо США – Японії, Японії – КНР. Ці двосторонні й тресторонні відносини в цілому, в свою чергу, створять контекст всіх викликів у регіоні. Це й проблема миру на Корейському півострові, стабільного економічного зростання В'єтнаму й усього регіону.

The U. S.-China relationship are boarding but contradiction in fundamental foreign policy issues are still facing the number of contradictions, especially problem of Taiwan. The character of U. S.-China relations will affect all of the principal big power relationships in East Asia, particularly U. S.-Japan and Japan-China ties. This bilateral relationships, as well as the three-way relationship as a whole, will, in turn, affect context every other challenge in the region, whether it is proliferation, peace on the Korean Peninsula, sustained economic growth of Vietnam and in the region.